

На правах рукописи

Шукшина Тамара Александровна

**«Черносотенные» погромы октября 1905 года в России:
культурный конфликт в российском обществе начала XX века**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Челябинск – 2010

Работа выполнена на кафедре государственно-правовых дисциплин ГОУ
ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Нарский Игорь Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Конюченко Андрей Иванович,

доктор исторических наук,
профессор
Сибиряков Игорь Вячеславович.

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Челябинская
государственная академия культуры и
искусств»

Защита состоится «4» июня 2010 г., в 14-00 часов, на заседании
Диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном
университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского
государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. События, произошедшие в Российской империи сразу после опубликования Манифеста 17 октября 1905 года, до сих пор остаются недостаточно изученными в отечественной историографии. Так называемые «еврейские» или «черносотенные» погромы зачастую привлекают внимание ученых лишь как подготовительный к становлению правомонархических партий этап. Между тем, исследование октябрьских «беспорядков» как самостоятельного явления позволяет взглянуть на социокультурное состояние общества. Отказ от политизированного взгляда на «черносотенцев», основанного на принципе ретроспективного пророчества, даст возможность увидеть в них не потенциальных членов Союза русского народа, а носителей самобытной культуры. Это, в свою очередь, позволит чуть дальше продвинуться в понимании мироощущения определенной части населения России начала XX века.

Взгляд на октябрьские погромы как на столкновение различных культур позволит снизить уровень идеологической предвзятости и более объективно взглянуть на участников конфликта. Исследование общественных практик, выраженных, в частности, в двух взаимосвязанных явлениях – насилии и слухах, поможет также пересмотреть устоявшееся мнение об асимметричности отношений между «активным» государством и «пассивным» обществом.

Степень научной изученности темы. В последние два десятилетия в России активно стали появляться работы, посвященные истории правомонархических партий и организаций начала XX века. Подобный интерес был стимулирован призывом политиков эпохи «перестройки» изучить «белые пятна» отечественной истории, которые имели место в советской историографии, а также активностью ряда новых националистических движений, прежде всего – общества «Память». Тем не менее, несмотря на заметные усилия, массив неисследованных вопросов поныне остается значительным. Так, например, погромы и столкновения октября 1905 года рассматриваются исследователями до сих пор лишь фрагментарно, в качестве сопутствующего сюжета при решении иных историографических проблем. В частности, наибольшее освещение аспекты «черносотенного» движения получили в рамках изучения революции 1905 – 1907 годов, а также истории правых политических партий, существовавших в стране до Февральской революции 1917 года.

Хронологически в изучении этих тем можно выделить несколько этапов. Первый из них начался непосредственно вслед за появлением крайне правых союзов и организаций и не являлся историографическим в точном смысле слова. Одновременно работы, о которых пойдет речь ниже, выступают и в качестве источника по восприятию «черносотенцев». В рамках первого периода большинство исследователей экстраполировало свои представления о составе и членах партий на участников октябрьских

волнений. Данный период представлен, например, работами Л. Мартова, В. Левицкого, В. Меча, В. Обнинского, Я. Борисова и др.¹. Некоторые из этих трудов написаны в публицистическом жанре, другие имеют исследовательский характер. Однако их общей чертой является резкое идеологическое и политическое неприятие «черносотенцев», деятельность которых связывалась авторами с интересами Департамента полиции, поместного дворянства, бюрократии и православного духовенства. Названные группы общества были отнесены исследователями к «контрреволюционной армии». Основные участники «черносотенного» движения классифицировались как бандиты, хулиганы, воры, грабители и прочие деклассированные элементы. Подобный же взгляд на «черносотенцев» разделял и В. И. Ленин, чья позиция в дальнейшем легла в основу советской историографии. Погромы он рассматривал как выступление «шайки пропойц», спровоцированное правительством и полицией. В то же время, оценивая «черносотенные» организации, В. И. Ленин признавал сходство их программ с программными документами октябристов и националистов².

Наиболее сложный взгляд на структуру крайне правых партий в указанный историографический период был сформулирован В. Левицким, который выделял внутри них идеологов (интеллигенцию) и «массы» (люмпенов), а также промежуточные слои (в основном – мещане и крестьяне). По мнению автора, монархические воззрения представителей этих групп являлись следствием их консервативной психологии.

Отдельно можно отметить работы П. Стрельского, Л. Василевского и И. Носкова, в которых, в отличие от вышеперечисленных трудов, правые партии не связывались с правительством, а рассматривались как самостоятельные организации³.

Позицию современников событий 1905 года, симпатизировавших правым движениям, разделяли некоторые эмигранты. Так, участие правых партий и правительства в погромах октября 1905 года отрицал промонархически настроенный эмигрант и видный исследователь дореволюционной России С. С. Ольденбург⁴. Он отмечал также, что «черносотенцы» не принадлежали к какому-либо определенному общественному слою, но находили немало сторонников в народных массах. «Волну погромов» и «выступления черной сотни» историк характеризовал как вспышку гражданской войны и полагал, что в основе движения «черносотенцев» лежал протест людей «старой любви к отечеству», «старого

¹ Борисов Я. Кому нужны погромы? СПб., 1906; Вешков Е. Черные патриоты. М., 1906; Мартов Л. Политические партии в России. СПб., 1906; Меч В. Силы реакции / Борьба общественных сил в русской революции в 1905 – 1906 гг. М., 1907; Обнинский В. Новый строй. Т. 1. М., 1909; Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т.3. СПб., 1914 и др.

² Ленин В. И. Новый подъем / Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 70 – 75; Ленин В. И. Политические заметки / Полное собрание сочинений. Т. 16. С. 414 – 420; Ленин В. И. Политические партии в России / Полное собрание сочинений. Т. 21. С. 275 – 287 и др.

³ Василевский Л. Политические партии на Западе и в России. СПб., 1906; Носков И. Охранительные и реакционные партии в России. СПб., 1906; Стрельский П. Партии и революция 1905 годов. СПб., 1906.

⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939.

мировоззрения» против революции. Уголовные элементы, согласно мнению автора, являлись лишь примесью в этом потоке. От общей волны «беспорядков» С. С. Ольденбург отделял восстания в Кронштадте и Владивостоке, считая их преимущественно армейскими бунтами, не связанными с идеологией защитников самодержавия.

Второй этап в развитии историографии правых партий можно отнести к советскому периоду до начала 1930-х годов¹. Для него характерен взгляд на погромы как на явление, организованное самодержавным правительством. Согласно этой концепции, царская власть, пользуясь «темнотой» и «отсталостью» масс, натравливала их представителей друг на друга, чтобы таким образом дать выход накопившемуся в народе недовольству, отвлечь людей от революции и посеять рознь между трудящимися различных народностей. Однообразие погромной практики на просторах империи, по мнению исследователей, свидетельствует об организованности «беспорядков», призванных терроризировать «свободолюбцев» и отнять вырванные у царя свободы. Одним из основных вдохновителей «черносотенного» движения называются и правые партии. В этот же период в научной среде появляется ряд работ, устанавливающих прочную связь между «черносотенными» погромами и Русской Православной Церковью с целью ее дискредитации².

Следующий этап в исследовании правых политических партий начался после долгого перерыва – в 1960-х годах – и длился до начала 1990-х. В это время взгляд на правые партии продолжал быть предельно идеологизированным, несмотря на общий рост интереса к рассматриваемой тематике и накопление значительной эмпирической базы. Так, в работах А. Я. Авреха, В. В. Комина, Л. М. Спирина, Г. З. Иоффе, Е. К. Сысоевой и других исследователей сохранялся взгляд на «черносотенцев» как на контрреволюционное орудие в руках правительства³. Наибольшие разночтения касались определения социального состава правомонархических партий. Согласно А. Я. Авреху, например, в них в основном входили деклассированные элементы. Л. М. Спирин подчеркивал принадлежность значительного числа «черносотенцев» к мелкой буржуазии. В историографии указанного периода можно также проследить дискуссионную линию по вопросу о сходстве «черносотенного» и фашистского движений. Так, А. А. Бажин видел в них предшественников фашизма. Л. М. Спирин, напротив, указывал на несоответствие устремлений фашизма охранительному характеру «черносотенства».

¹ Евгенийев А. Царские погромщики. Пг., 1919; Залежский В. Монархисты. Харьков, 1929; Киржниц А. Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 году. М., 1930.

² Титликов Б.В. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924; Кандидов Б. Крестом и нагайкой. М., 1928; Костомаров Г.Д. Черная сотня под флагом религии в 1905 году. М., 1931.

³ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Калинин, 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; Иоффе Г.З. Крах российской монархии и контрреволюции. М., 1977; Сысоева Е.К. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции. М., 1978; Бажин А.А. Борьба большевиков под руководством В.И. Ленина против черносотенного движения в России в революции 1905 – 1907 годов. Киров, 1982.

В 1984 году вышел в свет обобщающий коллективный труд «Непролетарские партии России. Урок истории», в котором параграф, посвященный правомонархическим партиям, был написан Л. М. Спириным и Н. Г. Королевой. Ими отмечалось, что правомонархические партии использовали в качестве основной силы для погромной деятельности «патриотические общества» и «боевые дружины», которые появлялись как опора официальных властей в борьбе с революцией. В качестве их лидеров назывались младшие полицейские чины или лица, тесно связанные с властью и полицией. Приспособленные лишь к провокаторско-погромной деятельности, «общества» и «дружины» распались, как только потребность в них исчезала. Как отмечалось в коллективной монографии, несмотря на все старания, «черносотенная» пропаганда не нашла в народных массах существенной поддержки. Тем не менее, согласно приведенным в книге данным В. Обнинского, монархическим партиям удалось организовать погромы в 150 городах страны и за две-три недели после 17 октября убить 3,5 – 4 тысячи человек, ранив и изувечив более 10 тысяч¹.

Аналогичным образом в это время оценивались октябрьские события и в обобщающих работах, посвященных юбилеям революции 1905 – 1907 годов². Примечательно, что издания обходили молчанием вопросы о «черносотенном» или «еврейском» характере погромов, утверждая наличие массовой борьбы крестьян за землю, против самодержавия и помещиков. Крестьянство представлено в книгах важной движущей силой революции и естественным союзником пролетариата. Однако в статье А. В. Ушакова также указывается, что крестьянские массы, находившиеся под влиянием «мелкобуржуазных элементов», были непоследовательными, хотя и не преследовали своих «узкоклассовых интересов»³.

Более динамично и свободно изучение правомонархических организаций начала XX века стало вестись с 1990-х годов – времени активного изменения политической ситуации в стране. Из многочисленных трудов этого периода следует выделить, в первую очередь, работу Д. И. Раскина, вышедшую в сборнике «Национальная правая прежде и теперь»⁴. По его мнению, российские «черносотенцы», с одной стороны, являлись носителями консервативной идеологии, направленной на сохранение существующего политического и общественного строя. С другой стороны, чувствуя общий кризис системы, они ратовали за радикальное изменение ситуации. Мировоззрение «черносотенцев», с точки зрения автора, может быть описано в категориях массового сознания, склонного к социальным утопиям. Помещенная в том же сборнике статья Р. Ш. Ганелина подчеркивает идейно-политическую связь «черносотенства» с фашизмом и

¹ Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 112 – 113.

² Революция 1905 – 1907 гг. Документы и материалы. М., 1975; Первая российская. Справочник о революции 1905 – 1907 гг. М., 1985.

³ Ушаков А.В. Первая революция в России и ее всемирно-историческое значение / Революция 1905 – 1907 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 8 – 10.

⁴ Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX века / Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Т. I. С. 5 – 37.

вновь говорит о провокаторской роли полиции и правительства в погромах октября 1905 года¹.

С. А. Степанов, пересмотревший многие вопросы, связанные с «черносотенством», впервые уделил значительное внимание октябрьским погромам². Проведя обширную работу в рамках социально-политической истории, он выяснил многие количественные характеристики рассматриваемых событий, подробно рассмотрел географию погромов, социальный состав участников. Автор впервые ввел в научный оборот многие материалы из архивного фонда Уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции, посвященные столкновениям первых дней гражданских свобод. В монографии С. А. Степанов настаивает на стихийном характере погромов осени 1905 года, на пестроте социального состава его участников, на антиреволюционном характере их выступлений, являвшихся лишь ответом на левый террор. На сегодняшний день данный труд представляется наиболее полным и основательным исследованием общероссийского «черносотенного» движения, возникшего вслед за опубликованием Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка». Однако эта работа, в части исследования погромов очерчивающая лишь общими штрихами предысторию Союза русского народа, не может дать исчерпывающего представления о погромном «черносотенстве» до организации Союза и ставит значительное число вопросов, требующих дальнейшего решения. За рамками исследовательского интереса остались проблемы восприятия «низами» общества категорий «народности», веры, церкви, различных государственных структур, поведенческие стереотипы участников погромов, их отношение к насилию, вопросы границы разделения мира на «своих» и «чужих» и пр.

И. В. Нарский в работе о «черносотенцах» Урала трактует погромы, происшедшие в октябре 1905 года как реакцию сбитой с толку, испуганной и раздраженной патриархально настроенной части населения на предшествовавшее манифесту стачечно-забастовочное движение и невиданные прежде шествия и митинги под красными флагами³. В качестве условий, необходимых для возникновения массового «черносотенного» движения в стране, автор называет обострение трансформационного кризиса, вызванного непредсказуемыми последствиями реформ 60-70-х годов XIX века и виттевской индустриализации рубежа XIX – XX столетий, а также утрату государственными структурами контроля над обществом осенью 1905 года. Само явление «черносотенства» исследователь рассматривает как органичное проявление национального самосознания, а точнее мировоззрения русской крестьянской общины. Среди культурных характеристик общины, в свою очередь, названы слабо развитое понятие

¹ Ганелин Р.Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России / Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Т. I. С. 73 – 100.

² Степанов С.А. Черная сотня в России (1905 – 1914 гг.). М., 1992.

³ Нарский И.В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905 – 1906 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994.

личности, которая растворяется в коллективе, деление мира на «своих» и «чужих» и резко враждебное отношение к последним. В труде, посвященном русской провинциальной партийности, И. В. Нарский говорит также о двусмысленности «черносотенного» монархизма, противопоставлявшего императора государственной машине и российской бюрократии¹.

Попытка понять мотивы действий «черносотенцев» в октябре 1905 года содержится в научно-публицистическом труде В. В. Кожина «Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция»². В нем автор утверждает, что понятие «черносотенец» означает принадлежность не к партии, а к мировоззрению, и говорит о стремлении «черносотенцев» сохранить традиционные ценности русского народа, об их противодействии революции, а не модернизации. Обращаясь к погромам и отмечая их стихийный характер, В. В. Кожин полагает несправедливым относить многочисленные жертвы октябрьских волнений к противникам «черносотенцев», поскольку в результате вооруженного противодействия «левых» гибли значительное количество безоружных горожан и селян. Называя погромы «преступлением русского народа», исследователь все же отмечает необходимость выработать объективное представление о погромах в России и, в частности, показать, как использование революционерами и евреями современного боевого оружия превращало погромы в сражения, приводящие к сотням жертв.

На базе сформированных к середине 1990-х годов исследовательских позиций в последние годы в исторической науке появилось множество работ о становлении и развитии крайне правых организаций в отдельных регионах. К сожалению, по традиции, «черносотенные» погромы рассматриваются в них лишь как подготовительная почва для дальнейшего оформления партийных структур. Исследованию «черносотенства» Сибири посвящены, например, труды М. В. Станковой, А. П. Толочко, Е. Л. Бузмакова, А. Е. Язынина³. По проблемам «черносотенства» в губерниях Центрального Черноземья защищена диссертация А. Т. Стрелковым, с материалами Саратовской губернии работал М. А. Шевцов, Казанской губернии – И. Е. Алексеев, губерний Верхнего Поволжья – В. В. Соловьева и М. Л. Размолодин, «черносотенным» движением на Украине занимался И. В. Омелянчук и др.⁴. Относительно «погромной» тематики эти работы ценны,

¹ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). В 2-х частях. Челябинск, 1995.

² Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М., 1995.

³ Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.). Омск, 1999; Станкова М.В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905 – 1917 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири, 1905 – 1917: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2000; Язынин А.Е. Возникновение черносотенно-монархических организаций Западной Сибири и их противоборство с политическими противниками: 1905 – 1914: Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

⁴ Алексеев И.Е. Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии, 1905 – февраль 1917 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997; Омелянчук И.В. Черносотенное движение на Украине в 1904 – 1914 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1997; Стрелков А.Т. Деятельность черносотенных организаций России в губерниях Центрального Черноземья, 1905 – 1917: Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1997; Шевцов М. А. Черносотенное движение в провинции в 1902 – 1916 гг.: на материалах Саратовской губернии: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997; Размолодин М.Л. Черносотенные организации губерний

прежде всего, вводом в научный оборот новых данных, найденных в местных архивах.

В 2005 году в Москве вышел сборник, посвященный столетнему юбилею революции 1905 – 1907 годов. В нем, в частности, была опубликована статья В. П. Булдакова на тему связи царского Манифеста 17 октября и еврейских погромов¹. Автор, анализируя отчеты Департамента полиции, говорит о ненадежности этого источника. В. П. Булдаков считает, кроме того, что царский манифест вызвал в обществе поведенческие реакции не революционного, а средневекового типа, а противостоящие стороны – еврейская и христианская – были в основе своей традиционалистскими. Манифест 17 октября нарушил, согласно концепции автора, привычный этноконфессиональный баланс в стране и способствовал выделению из указанных сообществ как маргиналов (будущих «черносотенцев»), так и людей диссипативного² склада, склонных к экстремистским действиям. Любопытным является замечание исследователя о том, что русское население восприняло Манифест 17 октября как особый знак «царской милости» в сакрально-ритуальном, а не функциональном его смысле.

Число зарубежных исследований проблемы «черносотенства» также немногочисленно. В ряде случаев авторы сосредотачивали свое внимание на погромах 1905 года в контексте еврейского вопроса. Таковы, например, монографии Г.Д. Лёве, Г. Роггера и Н. Кона³. Последний, помимо прочего, считает, что российская «черная сотня» являлась прообразом европейского нацизма. В этом вопросе исследователя в определенной степени поддерживает У. Лакер, который ставит «черносотенство» между реакционными движениями XIX века и фашизмом⁴. Дж. Хоскинг и Р. Мэннинг рассматривают «черносотенство» как плод деятельности политики объединенного дворянства⁵. На независимости участников октябрьских погромов от деятельности властей настаивает, в свою очередь Д. Роусон, который отмечает опасность дестабилизации политической ситуации в связи с активностью крайне «правых»⁶. Этой же точки зрения о неожиданности погромов для официальных властей придерживаются авторы коллективной монографии «Погромы: антиеврейское насилие в новейшей российской

Верхнего Поволжья в 1905 – 1914 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; Стеценко А. И. Черносотенцы Поволжья в 1905 – 1907 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2002; Соловьева В.В. Черносотенные организации центрально-промышленного района: Владимирская, Московская, Ярославская губернии в 1905 – 1914 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2003 и пр.

¹ Булдаков В.П. Октябрь 1905 г.: царский манифест и еврейские погромы / Революция 1905 – 1907 годов: взгляд через столетие. Материалы всероссийской научной конференции 19 – 20 сентября 2005 г. М., 2005.

² Диссипативный – «рассеивающий» энергию.

³ Löwe H.-D. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Antisemitism in Imperial Russia, 1772 – 1917, Chur 1993; Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia, London / Oxford, 1986; Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколы сионских мудрецов». М., 1990.

⁴ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

⁵ Hosking G.A., Manning R.J. What was the United Nobility? Blomington, 1979; Manning R.J. The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and government. Princeton, 1982.

⁶ Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995.

истории»¹. В последние два десятилетия на иностранных языках опубликован также ряд работ, посвященных погромному насилию².

Таким образом, анализ работ, относящихся к исследуемой теме, показывает, что погромы и столкновения в октябре 1905 года в исторической литературе до сих пор рассматривались фрагментарно и, в большинстве случаев в качестве «служебного» сюжета. Среди исследователей по многим вопросам не существует общего мнения, а масса концепций сходится друг с другом лишь в утверждении о том, что означенные «беспорядки» являлись болезненной реакцией «старого» на нечто зарождавшееся «новое». «Черносотенцы» до сих пор видятся некоей аморфной массой, действовавшей в защиту «православия, самодержавия, народности». В этой связи представляется необходимым обратить внимание на разнородность, но структурированность «черносотенного» движения и пристальнее взглянуть на культурные диспозиции групп, участвовавших в октябрьских волнениях.

Объектом исследования являются погромы и столкновения в первые дни после декларирования гражданских свобод в России, а также «черносотенные» группы общества как активные участники означенных событий.

Предмет исследования составляет система восприятия, толкования и поведения, то есть, в широком, социально-антропологическом смысле слова, культура низов, проявившаяся в комплексе взаимоотношений «черносотенцев» с их противниками и государственными структурами, а также в собственной социально-культурной среде, и выраженная через акты насилия и нелегитимную информацию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента опубликования Манифеста 17 октября 1905 года до начала ноября 1905 года, в пределах которого по территории Российской империи прошла основная волна столкновений и погромов «черносотенного» характера.

Территориальные рамки исследования охватывают все регионы Российской империи, в которых имели место октябрьские конфликты, то есть обширную территорию от Архангельска до Баку и от Лодзи до Владивостока.

Цель исследования заключается в изучении культуры «черносотенства» в ее своеобразии и конфликтном взаимоотношении с другими акторами эпохи на основе материалов о погромах октября 1905 года в России.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

¹ Klier J. D./ Lambroza S. (Ed.). Pogroms: Anti-jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992.

² Ascher A. Anti-Jewish Pogroms in the First Russian Revolution, 1905 – 1907 / Ro'i, Y. (Ed.): Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. London a. o., 1995; Lambroza S. The Pogrom Movement in Tsarist Russia, 1903 – 1906. Doct. Dissertation. Rutgers University, 1981; Surh G. Ekaterinoslav City in 1905: Workers, Jews and Violence // International Labor and Working-Class History 64 (Herbst 2003); Weinberg R. The Revolution of 1905 in Odessa. Blood on the Steps. Bloomington, 1993; Wynn C. Workers, Strikes, and Pogroms. The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870 – 1905. Princeton, 1992; и др.

1. Классифицировать «черносотенные» волнения, имевшие место после опубликования Манифеста 17 октября, согласно их количественным и качественным характеристикам.

2. Определить роль неформальной коммуникации в событиях октября 1905 года, обозначив закономерности функционирования нелегитимной¹ информации и основное ее содержание.

3. Изучить взгляд образованного общества того времени на участников погромов и столкновений.

4. Выявить основные культурные установки «черносотенного» движения.

Источниковая база исследования включает в себя три основные группы материалов. Первая – статьи российской прессы с 18 октября до первых чисел ноября 1905 года. В них содержатся сведения о наиболее масштабных эксцессах насилия, имевших место в основном в крупных населенных пунктах и на железнодорожных станциях (всего на основе газет прослеживается около 120 столкновений и погромов). Периодическая печать, представлявшая несколько сценариев одного и того же события, позволяет вычлнить из разнообразных интерпретаций какого-либо инцидента основное ядро, которое может рассматриваться как наиболее достоверное. Перепроверка сведений СМИ другими источниками позволяет говорить о высоком уровне взаимного соответствия информации. Шквал сведений и настроений, проявившихся в прессе, также является достоинством источника, так как позволяет представить себе общий эмоциональный контекст событий и проследить отношение к происходившему со стороны разных групп образованного общества.

Вторая группа источников, используемых в данном исследовании, представляет собой комплекс дел о помиловании погромщиков октября 1905 года. В него входят, во-первых, прошения о помиловании, написанные осужденными, их родственниками, а также особыми ходатаями (например, представителями Союза русского народа). Во-вторых, к комплексу дел о помиловании принадлежат сопровождавшие прошения копии проектов верноподданнейших записок по Второму уголовному отделению Первого департамента Министерства юстиции. Их подлинники подписывались министром юстиции. Информация, содержащаяся в записках, была основана на сведениях из обвинительных заключений и представляла их краткое содержание. Документы описывали события с разной степенью подробности. Иногда к проекту записки прилагались сопутствующие справки или обвинительное заключение. В целом, комплекс дел о помиловании участников волнений представляет собой уникальный материал, так как лишь в нем можно почерпнуть сведения о большинстве сельских столкновений и погромов в октябре 1905 года.

В качестве иллюстративного материала в работу была включена и мемуарная литература. Совокупность привлеченных к анализу источников

¹ Здесь и далее термин «нелегитимный» употребляется как синоним слова «неформальный», в значении «незаконный, не санкционированный властью».

представляется в основном достаточной для решения задач, поставленных в диссертационном исследовании.

Методологическая база исследования опирается на инструментарий нескольких научных теорий. Для реконструкции контекста событий и определения социально-групповой динамики в работе используются различные, преимущественно «мягкие» варианты теории модернизации¹. Приложение теории модернизации к интеллектуально-ментальной сфере, в рамках которой устанавливается смена сакрального взгляда на жизнь рациональным, замещение традиционализма ориентацией на перемены, может быть дополнено концепцией двух идеальных общественных типов². В ее рамках дается характеристика традиционной (религиоцентристской) и информационной систем мировоззрения, что позволяет более взвешенно и осмысленно взглянуть на различные элементы сознания исторических акторов и сконструировать его максимально целостный образ.

Описание культуры «черносотенства» опирается на научные разработки американского антрополога К. Гирца³. В данной перспективе российское общество начала XX века может быть представлено как совокупность культур, обладающих различными кодами дешифровки – с одной стороны, схожими, с другой, – различными. Важно установить понятия, которые являлись определяющими в мировоззрении акторов эпохи, увидеть смысл, который они вкладывали в то или иное явления, в тот или иной термин («свобода», «революция», «вера», «отечество» и др.).

Таким образом, имеющийся в наличии методологический инструментарий представляется вполне адекватным для анализа октябрьских волнений как сложного и неоднозначного явления.

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации впервые через анализ российских «черносотенных» погромов октября 1905 года рассмотрены особенности культур различных групп населения, выявлено влияние неформальной коммуникации на формирование указанного общественного конфликта. В исследовании использованы источники, впервые введенные автором в научный оборот. Впервые мировоззрение «черносотенцев» исследовано с помощью применения метода дешифровки культурных кодов.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для написания обобщающих научных трудов по истории России, истории первой русской революции, для

¹ Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. №4. С. 194 – 206; Шанин Т. Формы хозяйства вне системы // Вопросы философии. 1990. №8. С. 57 – 68; Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций XVIII – начала XX вв.: теория и история / Урал в контексте российской модернизации. Сборник статей. Челябинск, 2005. С. 10 – 25; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. М. 1990. С. 61 – 272; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб., 1997; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005.

³ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

дальнейшего изучения культуры «черносотенства», а также для подготовки учебных курсов по историческим и культурологическим дисциплинам.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в четырех статьях и в выступлениях на региональных конференциях (Челябинск 2008, 2009), а также на международной конференции в Москве (2009). Кроме того, автор приняла участие в работе над совместным российско-германским проектом «Слухи и насилие в истории России (сер. XIX – сер. XX в.)» (РГНФ, проект 07-01-94-001 А/Д, 2007 – 2009).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновываются актуальность темы и ее научная новизна, определяются объект, предмет, цели и задачи, территориальные и хронологические рамки исследования, историографическая, методологическая и источниковая база.

В **первой главе – «Классификация "черносотенных" волнений октября 1905 года в России»** – дается обзор октябрьских «черносотенных» волнений в масштабах страны, выстраивается их систематизация по различным качественным и количественным характеристикам, выявляются возможные закономерности в возникновении и развитии столкновений и погромов. **Первый параграф – «Время и место эксцессов "черносотенного" насилия»** – посвящен контекстуализации погромов в пространственно-временном отношении.

Непосредственно сразу после опубликования Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», с 18 и 19 октября волнения начались в Москве и Санкт-Петербурге, в значительном числе губернских и областных центров Европейской России – от Пскова и Кишинева до Оренбурга, от Архангельска до Екатеринодара, а также во Владикавказе (Терская область, Кавказ) и Николаеве (Приморская область, Сибирь). Кроме того, столкновения произошли в некоторых примыкающих к этим городам уездных центрах, селах и на отдельных железнодорожных станциях.

С 20 по 23 октября столкновения и погромные инциденты начали распространяться в ряде оставшихся ранее нетронутыми губернских центров – например, в Баку, Воронеже, Вятке, Екатеринославе, Красноярске и др. Вслед за крупными городами конфликты возникли в уездах и других административных образованиях большинства губерний и областей России. Как правило, эти эксцессы распространялись из губернского центра на периферию. Среди исключений можно отметить Пермскую и Черниговскую губернии, где волнения начались прежде в некоторых уездных центрах. В единичных случаях, несмотря на беспокойную обстановку в провинции, в губернском городе жизнь продолжала протекать относительно мирно (так было, например, в Могилевской губернии).

24 – 28 октября незначительное число столкновений и погромов произошло на периферии Нижегородской, Полтавской, Херсонской, Тамбовской и некоторых других губерний, единичные инциденты имели место в Благовещенске, а также повторная волна «беспорядков» началась в Кронштадте.

К началу ноября практически по всей стране наступило относительное успокоение (отдельные небольшие погромы и столкновения продолжали возникать лишь в небольших селах и местечках «черты еврейской оседлости»). Из более-менее крупных населенных пунктов волнения произошли лишь во Владивостоке, но и там они уже почти не имели политического характера.

Дата начала «беспорядков» была напрямую связана со временем получения манифеста в том или ином населенном пункте. Около половины всех волнений, вспыхнувших в России после 17 октября, длилось не более одного дня. В остальных случаях, за редким исключением, длительность столкновений в разных населенных пунктах составила два-три дня. В столицах страны, а также в Астрахани, Кишиневе, Одессе, Баку и некоторых других городах погромы шли четыре дня и более.

Нельзя вывести жесткой зависимости между размером населенного пункта или его местонахождением и длительностью погрома. Тем не менее, в общем и с некоторым приближением можно сказать, что эксцессы «черносотенного» насилия являлись более длительными в крупных городах и в губерниях со значительным числом еврейского населения.

На территориях России, не входивших в «черту оседлости», столкновения возникали, как правило, в крупных городах – губернских и уездных центрах, а также на железнодорожных станциях, – то есть в пунктах со значительным количеством населения и налаженной железнодорожной или телеграфной связью. В губерниях, где постоянное жительство евреев не запрещалось, заштатные (не являвшиеся административным центром уезда) города, села, местечки и хутора оказались подвержены «беспорядкам» в гораздо большей степени.

Причины отсутствия в ряде российских губерний заметных антиеврейских или антиреволюционных конфликтов выяснить достаточно сложно. Можно лишь с известной долей вероятности утверждать, где и по каким причинам было больше или меньше возможностей для реализации «погромного» движения. К факторам, повышающим вероятность его возникновения, относятся, например, активность «левых» сил в регионе и наличие большого числа евреев, а к сдерживающим – жесткая позиция властей, запрещение устройства митингов и сборищ после опубликования Манифеста 17 октября, введение военного положения, а также отдаленность населенного пункта от путей сообщения и телеграфных линий.

Второй параграф – «Количественные характеристики октябрьских "беспорядков"» – раскрывает масштабы жертв и разрушений вследствие «черносотенных» волнений, а также число участников столкновений.

В целом, по общему количеству жертв октябрьские конфликты можно разделить на четыре группы. К первой относятся случаи, в которых общее число погибших составляло более 50 человек (не менее 6 населенных пунктов). Это Томск, Баку, Кишинев, Екатеринослав, Одесса и Киев. Печальное право лидерства принадлежит здесь, без сомнения, Одессе: по разным сведениям число пострадавших составило здесь от 200 до 1 000 убитых. Прибавляя к ним раненых, газеты называли и цифру в 5 000 человек.

Гораздо меньшим количеством жертв отличались погромы и столкновения, отнесенные мною ко второй группе. В ней в каждом из случаев убитыми насчитывалось от 10 до 50 человек. Таких населенных пунктов достаточно мало (не менее 12). Это – станция Юзовка Екатеринославской губернии (50 погибших), Симферополь (42), Тифлис (41), Ростов-на-Дону (ок. 40), уездный город Орша Могилевской губернии (28), Кронштадт (26), Тула (22), Москва (около 15), станция Раздельная Херсонской губернии (13), Херсон (11), Елисаветград (не менее 10). Точных данных о количестве убитых в Красноярске нет, но местные газеты сообщали примерно о десяти погибших. Скорее всего, в эту группу попадает и Владивосток – по сообщениям прессы, опиравшимся на донесения коменданта крепости главнокомандующему Маньчжурской армией, там было убито и ранено 182 человека.

Достаточно многочисленной в октябре 1905 года была группа «черносотенных» волнений, в которой в одном населенном пункте число погибших не превышало 10 человек. По моим подсчетам, в нее вошло более 30 населенных пунктов. К ним относятся, например, Рига и Саратов, где было убито по 8 или 9 человек, Армавир Кубанской области (около 7), Речица Минской губернии (7), Ромны Полтавской губернии (7), Вятка (6), Санкт-Петербург (приблизительно 5 погибших), Владикавказ (3), Кострома (по разным сведениям от 1 до 3 погибших), Екатеринбург Пермской губернии (2), Курск (1 скончавшийся от ран) и др.

Наконец, нередко эксцессы насилия ограничивались несколькими избитыми, либо и вовсе обходились без жертв (более 160 населенных пунктов). Так, встречи противоположно настроенных групп населения окончились относительно благополучно в Астрахани; в Калуге в итоге погрома оказалось около 20 избитых; несколько интеллигентов пострадало в Нижнем Новгороде и т.п. Подавляющее большинство «черносотенных» конфликтов обошлось без человеческих жертв в малонаселенных пунктах. Таким образом, в погромах и столкновениях с участием «черносотенцев», произошедших после опубликования Манифеста 17 октября, погибло порядка 1700 человек со всех участвовавших в них сторон.

Отмечу, что наименее кровопролитными были события в селах, деревнях и местечках. Наиболее кровавые столкновения произошли в крупных городах «черты еврейской оседлости», а также на Кавказе – в регионах с сильными религиозными и культурными противоречиями.

По масштабам разрушений наиболее многочисленными были погромы, в которых в одном населенном пункте – как правило, в небольшом по

размеру – пострадало менее 10 жилых и торговых помещений (более 170 эксцессов). Можно насчитать около 30 населенных пунктов, в каждом из которых было разгромлено более 100 помещений. Минимум в 40 городах и деревнях нападениям подверглись от 10 до 100 домов, лавок и квартир. Более чем в 41 случае во время октябрьских конфликтов до погромов дело не доходило вообще.

Неоднородность мира октябрьских волнений может быть продемонстрирована через выделение различных групп участников событий: «праздничной толпы», «противников монархии», «защитников самодержавия», «зрителей», «предприимчивых граждан», «уголовников», «жертв» и «лиц, наводящих порядок». В одном погроме или столкновении могли быть задействованы и переплетены между собой все выше перечисленные группы и подгруппы участников.

Количество деятельных участников актов защиты «веры, царя и отечества» варьировалось в различных населенных пунктах от 1-2 человек до нескольких тысяч. Условно их можно разделить на столкновения, которые совершались отдельными энтузиастами (более 5 населенных пунктов), небольшими группами от 5 до 50 человек (более 30 населенных пунктов), от 50 до 200 человек (более 110 населенных пунктов), группами от 200 до 2 000 лиц (минимум 12 населенных пунктов) и, наконец, толпами более 2 000 человек (минимум 13 населенных пунктов). Немаловажную роль при этом играли зрители, которые зачастую очень сочувственно относились к «активистам».

Третий параграф – «Сценарии событий» – посвящен типологизации октябрьских волнений на основе их фабулы.

С самого начала осмысления событий октября 1905 года в прессе сложилось устойчивое мнение о том, что погромы по всей России происходили по одной и той же схеме, а, следовательно, были запланированы и подготовлены заранее. Ошибочность такой точки зрения становится очевидной при сопоставлении большого числа октябрьских волнений. Различие сценариев, их широкая вариативность, разнообразие даже внутри одной губернии дают возможность обоснованно говорить о стихийности этого движения.

В самых общих чертах можно выделить 7 схем протекания событий:

1. Патриотическая манифестация, под воздействием различных факторов вылившаяся в погром. В ряде случаев участники «беспорядков» ограничивались лишь разгромом и грабежом квартир, лавок, магазинов и других зданий. Так было в Воронеже, Вязьме и Могилеве Подольском. Но чаще всего их действия сопровождались потасовками, в результате которых появлялись как раненые, так и убитые (Баку, Кишинев, Вятка, Александровск, Киев, Рига, Калуга и пр.).

2. Столкновение двух противоположно настроенных групп населения, не переходящее в погром. Данный сценарий был характерен для губерний вне «черты оседлости». На территориях, входивших в «черту оседлости», погромы происходили чаще.

3. Столкновение двух противоположно настроенных групп населения, переходящее в погром. При развитии событий по рассматриваемой схеме обязательно присутствовали раненые или убитые, а также разгромленные квартиры, магазины, лавки, заводы, синагоги и различные другие учреждения. Ярославль, Екатеринодар, Владикавказ, Орел, Курск, Челябинск, Симферополь, Саратов – это лишь некоторые города из числа тех, где была реализована данная схема действий. В некоторых населенных пунктах (Томске, Рязани, Феодосии) реализация этой схемы сопровождалась поджогом «патриотами» зданий с большим количеством находящихся в них людей.

4. Множественные столкновения противоположно настроенных групп населения, переходящие в уличные «боевые действия». В наиболее крупных городах, обладавших высокой степенью политизации населения, где перевес сил на стороне защитников самодержавия или его противников не был очевиден, столкновения и погромы, начавшиеся по первым трем сценариям, перерастали в беспорядочные избиения, перестрелки и грабежи. В Одессе и Екатеринославе, например, непрерывные столкновения с революционерами, студентами, отрядами самообороны происходили на фоне общего погрома. В Москве и Санкт-Петербурге, в отличие от крупных южных городов, благодаря большому числу войск, полиции и казаков, драки, перестрелки и начинающиеся грабежи быстро локализовывались, но также были повсеместными. В то же время столицы обошлись несоизмеримо меньшим количеством жертв по сравнению с городами «черты оседлости».

5. Организация погрома прибывшими извне людьми. Данный сценарий оказался характерен, прежде всего, для губерний «черты оседлости». Вероятно, это произошло в силу высокого уровня концентрации в них еврейского населения, широкого масштаба волнений и малых расстояний между населенными пунктами.

6. Единичные избиения, призывы, споры, драки, перерастающие в погром. К этой группе относится большинство сельских и местечковых погромов. Как правило, они возникали под прямым влиянием волнений, происходивших в крупных городах или в соседних населенных пунктах. Поводом для погрома могли быть и рядовые ссоры между продавцами и покупателями, которые обычно заканчивались мирными сделками, но в октябрьские дни иногда завершались побоищами. Из крупных городов по данной схеме события развивались во Владивостоке.

7. Погром, сопровождающийся мятежом войск. По данному сценарию волнения происходили всего в двух городах Российской империи – в Кронштадте и во Владивостоке. Характерно, что по восьмому сценарию не развивались события в «черте оседлости». Состояние источников и уровень исследования пока не позволяют ответить на вопрос, с чем это было связано.

В некоторых случаях события, начав развиваться по одной из указанных схем, были остановлены задолго до своего логического завершения. В целом, выделенные мною сценарии являются сознательным

упрощением сложной, стихийно изменяющейся реальности столкновений и погромов.

Во второй главе – «Роль неформальной коммуникации в событиях октября 1905 года» – исследуется место и влияние «черносотенных» слухов в погромах и столкновениях. В первом параграфе – «Содержание слухов, циркулировавших в среде "черносотенцев"» – дана систематизация неформальной информации «черносотенного» характера, существовавшей в октябре 1905 года.

Рассматривая октябрьские слухи по содержанию, их условно можно объединить в три группы, которые соответствуют небезызвестной формуле графа С.С. Уварова: «православие», «самодержавие», «народность».

Группа слухов, относящихся к теме православия, касалась, прежде всего, поправа и порчи икон, в том числе выстрелов в них, разрушения храмов и монастырей, «крамольного» поведения «супостатов», а также благословения бить «врагов» и устраивать погромы. По сравнению с двумя другими группами, указанная совокупность слухов имела меньшее распространение и популярность, однако при этом не уступала им в силе своего воздействия. Погромные действия «черносотенцев» были нацелены не только на месть тем, кто кощунствует в храмах, но и на предотвращения больших бед, на защиту церкви, веры и священников от тех, кто представляет собой, согласно слухам, потенциальную опасность.

Слухи, которые можно отнести к теме самодержавия, разнились, прежде всего, в определении вины и характера преступлений «врагов» перед русским царем и отечеством. Коротко все их многообразие можно маркировать несколькими доминирующими фразами: они – «враги» – рвутся к власти, добиваются своего господства, уничтожают и портят портреты императорской семьи, топчут и рвут российские флаги, высмеивают русскую армию, хотят убить царя и установить свои порядки, а потому и русским дана теперь свобода бить «изуверов». Как и нелегитимная информация с православной тематикой, «самодержавные» слухи несли в себе, в числе прочего, сведения о полученной «сверху» санкции бить «врагов».

К тематике защиты отечества относилась также и информация о необходимости бороться с «врагами» в силу данной когда-то воинской присяги. Битва с евреями, революционерами и интеллигентами представлялась как внутренняя война, как подавление восстания, как освобождение родины от коварного неприятеля. Это было тем более актуально, что внутренние «враги» были рады, по мнению участников погромов, поспособствовать и неприятелю внешнему.

Благоприятная почва для слухов, связанных с темой народности часто возникала благодаря выстрелам в толпу манифестантов, идущих с национальными флагами, иконами и портретами государя. Особым действием обладали сведения о том, что евреи будто бы режут русских и убивают детей. Кроме сиюминутных активных действий по истреблению христиан «врагами», евреям приписывались и планомерные длительные мероприятия по уничтожению и разращению «истинно русских» людей.

По определению врага прежде всего можно выделить антиеврейские слухи. Погромы носили антисемитский характер как в «черте еврейской оседлости», так и за ее пределами. «Жидов» били и ненавидели даже там, где их практически не было. Согласно нелегитимной информации, евреи упоминались как противники всех трех основ жизни – самодержавия, православия и народности. С большим успехом в народной молве они представляли как главные революционеры и крамольники.

К подобного же рода «чужакам» народная молва относила поляков и армян. Кроме слухов националистического свойства в рамках погромов октября 1905 года мы также можем видеть и нелегитимную информацию, ориентированную против революционеров и демократов. В большинстве случаев такие слухи совпадали с антиеврейскими, поскольку именно «жиды» считались главными противниками монархии. Нелегитимная информация, направленная против интеллигентов и студентов, также включала в себя антисемитскую составляющую. Слухов, направленных исключительно против «тех, кто в шляпах», без упоминания о евреях, как и в предыдущем эпизоде, было крайне мало.

Разделение мною слухов на различные категории является очень условным, так как все они черпались из общего культурного резервуара традиционного сознания и содержательно пересекались. Они могли порождать друг друга, беспрепятственно преодолевая пространство и любые исследовательские классификации.

Во втором параграфе – «Функционирование нелегитимной информации в "черносотенных" погромах» – рассматривается роль слухов в октябрьских волнениях в целом и внутри «черносотенных» групп в частности.

Вторая половина октября – начало ноября 1905 года стали временем, когда насилие и слухи явились основными элементами конструирования общенародной жизни. Идя рука об руку, оба этих феномена не оставались изолированными друг от друга, но оказывали взаимное стимулирующее влияние. Октябрьские слухи 1905 года являлись своеобразным катализатором процессов погромов. Нелегитимная информация служила поводом для возникновения беспорядков, поддерживала, структурировала и оправдывала их. Слухи этого времени были рождены элементами традиционного сознания. Плодотворной почвой для них стали традиционные идеалы, еще не утратившие привлекательности для множества сельских и городских жителей, и ритуализированное поведение, в том числе насильственное.

Пути распространения нелегитимной информации были различны. Проникая из губернии в губернию, слухи в одной и той же местности нередко сосуществовали параллельно или комбинировались. Активными проводниками таких «новостей» были газеты. Либеральные – потому, что они их пересказывали, часто – с целью опровержения, промонархические – потому, что они их выдавали за действительность. Помимо прессы информация «подозрительного» содержания фиксировалась в «подметных письмах» и листовках. Имели хождение среди «черносотенцев» и подделки официальных документов. В рукописном или печатном виде появлялись на

улицах листовки антиеврейского свойства. Монархические митинги также не обходили стороной еврейский вопрос. Слухи распространялись и по железной дороге. Подтверждение этого обнаруживается в географии погромного движения. Так, волнения, помимо самых крупных городов, происходили в их окрестностях, а также на станциях и в местечках по пути следования поездов

Наиболее мобильным и высокоскоростным, но не занимавшим первенствующих позиций в распространении слухов, являлось телеграфное сообщение, позволявшее за предельно короткий срок передавать информацию на значительные расстояния. Несмотря на обилие различных путей распространения информации, одним из основных каналов миграции слухов являлись пешие и гужевые путешествия людей. Для неформальной информации, как и для погромов, в подавляющем большинстве случаев действовало общее правило распространения: движение из центра – на периферию.

Слухи в октябре 1905 года выражались наиболее распространенные социальные ожидания. Они касались, прежде всего, прекращения «беспорядков». Под «беспорядками» понималась жизнь, полная нестабильности и неопределенности, революционных выступлений и режущих слух «свободолюбивых» возгласов. Под ними же подразумевались различного рода притеснения, как морального, так и бытового и экономического характера, которыми была насыщена переломная эпоха и для борьбы с которыми традиционное сознание требовало персонификации «зла» – требовало четкого определения врага.

Слухи в октябре 1905 года также являлись орудиями критики и сопротивления, так как они давали возможность четко очертить границы добра и зла применительно к конкретной ситуации. Критике подвергалось прежде всего революционное и антимонархическое движение, понимаемое в категориях еврейского заговора, а также все то, что подрывало или оскорбляло православную веру и другие устои государства – национальные, военные, нравственные и пр. Эти общие настроения в слухах оформлялись с помощью конкретных фактов, которые являлись своего рода инструкцией к деятельности. Слух напрямую указывал причину недовольства и подразумевал, какими должны быть форма и направление возмущения.

Определяя неприятеля и активно побуждая на борьбу с ним, слухи тем самым способствовали более или менее длительной консолидации значительной части населения.

Слухи, циркулировавшие в России после опубликования Манифеста 17 октября, также являются и индикатором того, насколько значительным было непонимание «черносотенцами» других групп населения империи. Крайняя агрессивность и недостоверность нелегитимной информации, резкое разделение на «своих» и «чужих» указывают на совершенное отсутствие желания установить какой бы то ни было конструктивный диалог в обществе.

Третья глава – «Культурные коды российского общества» – посвящена анализу мировоззрения некоторых групп населения. Особое внимание в ней

уделено взаимному непониманию и конфронтации, становившимся источником страхов и насилия. **Первый параграф – «Противники погромов и конструирование "черносотенства"»** – раскрывает взгляд образованного общества на «правых» участников волнений октября 1905 года.

Одной из групп, крайне болезненно отреагировавших на волну октябрьских погромов, явилась когорта либеральных журналистов. Другой, также наиболее выдающейся в плане диссонирования с традиционным типом сознания – городская и земская интеллигенция, прежде всего – учителя и врачи.

Конструирование образа «черносотенцев» либеральной интеллигенцией происходило на основании сопоставления поведения «правых» со своими собственными идеалами. Кроме этого, страх перед «низшей», «неуправляемой» стихией приводил к формированию резко негативного, эмоционально шокирующего образа, не вызывающего сочувствия.

Волна погромов, сопровождавшаяся избиениями и человеческими жертвами, виделась либеральной интеллигенцией как проявление животного начала в человеке. «Звериная», «нечеловеческая» физиономия вдруг обнаружилась в людях, с которыми прежде приходилось жить бок о бок. Внезапно возникшие ярость и жестокость в большинстве случаев не находили себе рационального объяснения или какого-либо оправдания в глазах либералов. Поэтому единственной верной интерпретацией для них стал тезис об общем сумасшествии, массовом помешательстве, «озверении» толпы.

Газеты подчеркивали явную для них бессмысленность действий толпы под национальными флагами. Те послы, которыми руководствовались и удовлетворялись «черносотенцы» – реальные или мнимые оскорбления императорской семьи, православных святынь, различные слухи – казались представителям либеральной интеллигенции пустыми фразами, миражами, «болтовней» или издевательством над здравым смыслом. Звероподобные образы, которые употреблялись в отношении «черносотенцев», символически соответствовали опасности.

Неясность, бессмысленность действий «черносотенцев» не могла быть снята даже довольно распространенной среди либеральной интеллигенции теорией подготовленности и спланированности октябрьских волнений. Так, пресса постоянно обращала внимание на сходство погромов в самых отдаленных уголках страны, на их одновременность, на слаженность действий их участников. Либеральная интеллигенция также ставила вопрос о причинах содействия погромщикам со стороны полиции, казаков, о бездействии властей, обращала внимание на чересчур вялое подавление «беспорядков», на большую активность войск в разгоне митингов и демонстраций под красными флагами, чем в борьбе с «черносотенным» насилием.

Таким образом, видно, что взгляды либеральной интеллигенции на «черносотенцев» различались. Одни видели в них озверевший, обезумевший

народ. Другие придерживались мнения об организованности и подготовленности погромов.

По мнению сторонников версии о массовом озверении людей, подготовительной, благоприятной почвой для подобного психоза стала неудовлетворительная нравственность представителей «низших» слоев общества и их необразованность. Отсутствие хорошего воспитания в народной среде, согласно их точке зрения, способствовало развитию таких качеств как грубость, неуважение к ближнему, способность поживиться за счет чужого имущества, пьянство, привычка решать свои проблемы силовым способом и пр.

Недостаток образования, по убеждению либеральной интеллигенции, порождал интеллектуальную серость, невежество, глупость масс. Обнаруживаемые случаи «темноты» «черносотенцев» обличались и высмеивались.

Подсмеиваясь над народной «глупостью» или с прискорбием констатируя ее, либеральные интеллигенты считали необходимым вести разъяснительную работу среди горожан и селян о сути написанного в Манифесте 17 октября. В этом смысле они поддерживали стремление властей и других представителей образованного общества, имевших «правильное» понимание нового документа, собирать жителей для его чтения и объяснения. Но «темные» люди, невзирая на принятые меры, не желали «просвещаться» и, в ответ на требования «левых» освободить заключенных, на шествия и лозунги, брались за камни и топоры. По свидетельству корреспондентов, многие «черносотенцы» настолько были чужды всякой культуре, что приходили в ярость от одного упоминания о новом благе. Таким образом, слово «черносотенец» для либеральных интеллигентов стало антонимом выражения «свободный гражданин».

По мнению многих представителей либеральной интеллигенции, «черные сотни» составляли отбросы общества, сброд, тунеядцы, проходимцы и преступники.

Во втором параграфе – «Культурные матрицы "черносотенного" движения» – рассматривается внутренний мир участников волны погромов в связи с произошедшим конфликтом.

Те, кого современники, и мы вслед за ними, называли и называем «черносотенцами», сами себя в подавляющем большинстве случаев с ними не идентифицировали, равно как и не считали себя принадлежащими к какой-либо «политической партии». Эти люди были стихийно собраны вместе одними обстоятельствами, а также схожими настроениями или практиками.

Внутри и вокруг погрома, помимо жертв, можно найти несколько моделей поведения: «бескорыстно-идеологическую», «классическую погромную», «сочувственную», «корыстную», «криминальную», «миротворческую», «пассивную» и «пренебрежения должностными обязанностями».

Согласно анализу материалов «еврейских» погромов, дополненного контекстом патриотического митинга и просьбами о помиловании, выявляются некоторые культурные установки «черносотенного» движения. Так, в среде «правых» участников погромов превалировали традиционные ценности борьбы с «чужаками», явно было выражено деление мира на «своих» и «чужих». В связи с тем, что инакомыслие рассматривалось как преступление, традиция физического насилия являлась гармоничной частью повседневной жизни. Важной составляющей «черносотенной» культуры была юдофобия.

Наименьшее внимание деятели октябрьских погромов уделяли защите воинской славы отечества. Под отстаиваемой «черносотенцами» «народностью» подразумевалось, главным образом, доминирование «истинно русских» людей в государстве, монолитность общества и отсутствие внутренних конфликтов. Отклонение общего течения жизни от «порядка» рассматривалось как опасное нарушение нормы. В понятие «истинно русских» не входили те, кто нарушал «порядок» – то есть интеллигенты, евреи, студенты, революционеры и пр. Напротив, в границы этого понятия вписывались лица, поддерживавшие правящий дом – вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности.

Христианской вера «черносотенцев» в октябре 1905 года проявилась в деятельном стремлении защитить православие от поругания.

Наибольшее внимание среди объектов «черносотенной» заботы было уделено защите самодержавного монарха. «Царский образ» в системе народного мировосприятия занимал прочное позитивное место, а идеал справедливого государя, являющегося главной моральной инстанцией, был достаточно значимым. Подобие монархии власти божественной было очевидно для значительной части населения Российской империи начала XX века. Оскорбление царя для «черносотенцев» представляло собой и оскорбление Бога, кощунство. При этом император представлялся фигурой, отделенной от иных государственных учреждений. Для участников октябрьских волнений нередко была характерна неприязнь к местной власти.

Разнообразные «враги» виделись «черносотенцами» как крамольники, бунтовщики и изменники, грязные в телесном и моральном плане. Они также представлялись трусливыми, хитрыми, жадными, коварными, злыми и несправедливыми. Противоположным был образ «своих»: участники погромов репрезентировали себя как честных, физически и морально чистоплотных, справедливых, добрых, прямодушных, мужественных, трудолюбивых и чтущих закон. Под трудом «черносотенцы» понимали только труд физический. Богатство считалось результатом воровства и обмана. Изъятие такого имущества представлялось актом восстановления справедливости.

В случае необходимости «черносотенцы» могли успешно манипулировать сформировавшимися в среде либеральной интеллигенции представлениями о собственном «невежестве».

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

После опубликования Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанного Николаем II 17 октября 1905 года, по Российской Империи прокатился ряд волнений. Вопреки ожиданиям дарование населению гражданских свобод не привело к прекращению стачек и забастовок, к умиротворению антимонархического движения. Напротив, с 18 октября на улицах сел и городов стали появляться группы людей, резко отличавшихся друг от друга по настроению – тех, кто приветствовал царскую милость, и тех, кто торжествовал победу над царской властью и призывал к дальнейшей борьбе «за свободу». Такая встреча «лицом к лицу» способствовала резкому росту политической активности населения и, в конечном итоге, привела к организационному оформлению радикально-патриотического движения. Однако в октябре 1905 года ни о какой организованности «правых» не может быть и речи. Все произошедшее в первую же неделю после опубликования Манифеста носило совершенно стихийный характер.

Многообразные общественно-политические течения, существовавшие в России до 1905 года, не затрагивали народные «низы». Однако демонстративное поведение «левых», особенно проявившееся после опубликования Манифеста 17 октября, привело к бурной реакции. Форма и содержание «черносотенного» протеста потрясли «верхи» социума. Помимо революционеров и жертв погромов в конфликт активно включилась значительная и отнюдь не монолитная часть образованного общества, в том числе журналисты, земцы, власти, священнослужители. Большинство представителей данных групп было против погромов, но при этом часть их не симпатизировала жертвам «беспорядков». «Черносотенное» насилие, явившееся моментальной реакцией народной культуры на непредвиденные, необычные обстоятельства, было истолковано как деструктивное явление, требующее решительного противодействия. В то же время сами «правые» воспринимали погромы и столкновения как созидательный акт.

Представления, сформированные либеральной общественностью и «черносотенцами» друг о друге, свидетельствуют о взаимном непонимании, которое, в свою очередь, было результатом существенного различия их культурных установок. В то время, как часть журналистов и интеллигенции в чаяниях и идеалах приближалась к понятиям гражданских свобод, конституции, ограничения или упразднения самодержавия, большинство крестьян и горожан стремилось к сохранению традиционного порядка и, следовательно, абсолютной власти правящего дома, ратовало за сильное государство, желало видеть все общество монолитным и уберечь в качестве господствующей религии православие. Кроме этого, «простые обыватели» обладали нехарактерным для «просвещенного общества» отношением к насилию, труду, собственности. Непонятной для журналистов и интеллигентов являлась озлобленность «черносотенцев» против свободолюбивых граждан. В свою очередь, «черносотенцы» маркировали в качестве угрозы тех лиц, чьи воззрения в той или иной мере, на их взгляд, не

соответствовали необходимому «порядку». Волнения октября 1905 года стали индикатором существовавшего в России культурного многообразия, которое вылилось в экстраординарных условиях революции в открытый радикальный конфликт.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Шукшина Т.А. «Черносотенцы» и «крамольники» – встреча в октябре 1905 года // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия «История». – 2009. – №12. – С. 25 – 30 (0,56 п.л.).

Публикации в сборниках научных трудов:

1. Шукшина Т.А. «Жид – не человек»: слухи и еврейские погромы октября 1905 года в России / Проблемы истории российской цивилизации. Труды научно-специализированной конференции преподавателей вузов, ученых и специалистов (29 апреля 2008 г.). – Челябинск. – 2008. – С. 93 – 110 (1,3 п.л.).
2. Шукшина Т.А. Культурные коды российского «черносотенства» октября 1905 года / Россия и кризис современной цивилизации. Труды научно-специализированной конференции преподавателей вузов, ученых и специалистов (28 мая 2009 г.). – Челябинск. – 2009. – С. 96 – 102 (0,3 п.л.).
3. Шукшина Т.А. Городские беспорядки октября 1905 года в России и формирование образа «черносотенца» / Научный поиск: материалы первой научной конференции аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. – Челябинск. – 2009. – С. 164 – 167 (0,18 п.л.).